

АНДРЕЙ
КВИТКО

ДНЕВНИК
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО
КАЗАЧЬЕГО
ОФИЦЕРА.
1904–1905
1 ЧАСТЬ

RUGRAM

Москва
2026

УДК 355/359

ББК 68.4

К32

Квитко А.В.

К32 Дневник забайкальского казачьего офицера. 1904—1905. 1 часть / А.В. Квитко. — М. : RUGRAM, 2026 — 170 с. — (Военная летопись России).

ISBN 978-5-517-13565-0

«Мне было очень обидно думать, что на основании донесения Трухина генерал может считать меня виновным в напрасном нарушении спокойствия отряда. Кн. Джандиери обязан был лично проверить показания своих постов и разъездов и отступить только тогда, когда более держаться невозможно; это должен был требовать от него командующий полком, тогда и полк остался бы на месте, и отряд не был встревожен.»

«Сразу так потемнело, что я не различал белой лошади казака, шедшего впереди меня и в нескольких шагах. В темную ночь я себя чувствовал совершенно беспомощным и не мог понять, как другие могли видеть и двигаться свободно среди мрака. Я приказал вестовому взять мою лошадь за повод недоуздка и вести меня как слепого.»

«Выехали мы из леска, переправились через речку и, не доезжая двухсот сажен от поперечной долины, были встречены залпом. Не успел я отдать приказания, как Энгельгардт, приложив руку к козырьку, сказал: «Разрешаете, полковник?» — и на мой знак согласия крикнул: «Сотня, за мной», переправился опять через реку, остановился под левой сопкой, спешил казаков и полез по крутой, почти отвесной скале на сопку, покрытую густым кустарником. Я посмотрел на часы; прошло только двенадцать минут с того времени, как мы оставили позицию, до первого залпа неприятеля. Российский мог теперь убедиться, что я говорил правду, когда я заявлял, что до неприятеля близко.»

УДК 355/359

ББК 68.4

BIC FC

BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13565-0

© RUGRAM, оформление, 2026

© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ОТ РИМА ДО ЛЯОЯНА. —	
В ВОСТОЧНОМ ОТРЯДЕ. —	
У ГЕНЕРАЛА РЕННЕНКАМПФА.....	5

ЧАСТЬ I

ОТ РИМА ДО ЛЯОЯНА. — В ВОСТОЧНОМ ОТРЯДЕ. — У ГЕНЕРАЛА РЕННЕНКАМПФА

В ОТРЯДЕ ГЕНЕРАЛА РЕННЕНКАМПФА

В воскресенье, 11 апреля, я выехал экспрессом из Петербурга. Этим поездом ехал тоже на дальний восток флигель-адъютант, полковник князь Трубецкой, которого провожали наши общие товарищи, офицеры конной гвардии.

12 апреля. Москва. Моим спутником в действующую армию был друг детства и старый товарищ по Пажескому корпусу, генерал-лейтенант граф Келлер, вызванный в Ляоян телеграммой ген. Куропаткина.

Келлер выехал раньше меня из Петербурга; было условлено вместе завтракать у Тестова и обедать в Эрмитаже.

Чтобы распределить, какую часть багажа я мог поместить в своем купе и что должен был сдать в багажный вагон, я приехал на вокзал за два часа до отхода поезда, и времени оказалось у меня не слишком много. От Москвы до Иркутска перевозка багажа стоила пять рублей за пуд, и, несмотря на то, что в купе поместилось довольно много вещей, пришлось доплатить свыше ста рублей. Если бы я мог предвидеть, что большая часть этих вещей пропадет и я никогда их не увижу, то, конечно, не затратил бы на них столько денег на покупку и за провоз.

Грустно было видеть проводы и расставание матерей, жен и близких с отъезжавшими на войну. Я вновь переживал весь ужас вчерашнего прощания.

14 апреля. Ранним утром мы проезжали мимо Бугуруслана. У подножия зеленевших холмов отражался в гладкой поверхности большого озера или разлива реки красивый городок с ярко окрашенными строениями и куполами церквей, горевших золотом.

15 апреля. Урал. Мы выехали в горы, покрытые хвойным и лиственным лесом. Поезд поднимался все выше и выше вдоль быстро текущей речки. Ровно вырубленные площади и прямые просеки указывали, что здесь было ведено правильное лесное хозяйство.

Характер гор волнистый, с мягкими очертаниями. Не было видно следов вулканического происхождения. Не было признаков суровой борьбы зарождающегося миростроения. Все было покрыто тучным слоем плодородной земли, дающей рост богатой флоре: кое-где только протиснулись обнаженные скалы, красные, желтые, зеленые с темно-бурыми жилами. Вот где кроются богатства Урала.

Поезд останавливался у Златоустовских заводов. На станции продавались разные изделия из стали и чугуна, преимущественно клинки, раскупаемые офицерами, едущими на войну.

Поднимаемся еще выше и огибаем Златоуст. Поверх леса видно озеро с красивым городком на берегу.

Мы сидим за завтраком в вагоне-ресторане и не можем оторваться от окон, где мелькают перед нами живописные виды Урала.

Мои спутники большею частью гвардейские офицеры: кроме графа Келлера товарищи по конной гвардии — флигель-адъютант князь Трубецкой и подъесаул Золотницкий; кавалергарды кн. Долгорукий, Олив и кн. Урусов; два командира полков, расположенных в Порт-Артуре, полковники Бем и Пospelов.

Бем участвовал в китайской кампании: его знакомство с краем, жителями, способами ведения войны нас живо интересовало. Ехал с нами чиновник Министерства земледелия для руководства по устройству огородов. Впоследствии, когда мы увидели, в каком совершенстве возделывались китайцами хлеба и овощи, мы недоумевали, зачем был командирован ученый садовод в этот край, где каждый крестьянин мог бы быть профессором по этой части. Племянник барона Штакельберга, командира сибирского корпуса, назначенный к нему ординарцем, говорил, что здоровье его дяди в последнее время было совсем плохое. Он лежал больной, когда получил от генерала Куропаткина предложение принять сибирский корпус. Желание вернуться снова к боевой жизни дало ему силы встать на ноги и побороть недуг.

После завтрака каждый уходил к себе читать, писать, а может быть, поспать. Все высыпали на воздух на значительных остановках. Келлер ходил умеренным шагом, молодежь куда-то спешила, искала развлечений, но в них избытка не было. У многих были фотографические аппараты; к сожалению, самые интересные виды встречались только на ходу, мы пробовали их снимать, но не знали, удадутся ли снимки при быстром ходе поезда. На станциях же все, что хотелось бы снять, заслонено складами дров, водокачками, поездами на запасных путях, заборами и проч.

К обеду мы чистились, прихорашивались; недоставало только дам, чтобы наша столовая имела вид нарядного петербургского ресторана.

На остановках Трубецкой выходил первый из вагона и возвращался только к третьему звонку; быстрыми шагами он удалялся по полотну железной дороги, чтобы размять ноги. На одной станции поезд тронулся раньше времени, никто не заметил, вернулся ли Трубецкой или нет, но вот поезд остановился и подобрал его, ушедшего далеко вперед. Хорошо еще, что он не избрал целью прогулки обратное направление.

В Челябинск мы приехали днем. Остановка была продолжительная, и мы все отправились на извозчиках в город. На дороге встречались велосипедисты, местные обыватели щеголяли резвыми башкирскими иноходцами. Проехали мимо народного дома в греческом стиле, осматривали собор, в котором хранилась святыня, чуждая православному храму — деревянная раскрашенная статуя св. Николая, вероятно, работы проживавшего здесь католика, назначавшаяся для костела и попавшая по недоразумению в православный собор. Широкие немощеные улицы с одноэтажными деревянными домами, крытыми железом. Много лавок и складов сельскохозяйственных орудий. Более всего привлекали наше внимание башкирские лошади с железными ногами и горбатыми спинами.

16 апреля. В необъятных степях стада крупного сытого рогатого скота и коренастых лошадей пощипывали высохшую прошлогоднюю траву. Вероятно, неподалеку имелось жилье с заготовленным запасом корма, иначе нельзя себе объяснить, как у животных могло сохраняться такое тело после долгих зимних месяцев.

Вечером приехали в Омск — холодно, неприветливо. На вокзале нас встретил начальник штаба округа генерал Гершельман, товарищ по Пажескому корпусу. Он был очень занят мобилизацией. Ему было обещано назначение в действующую армию, когда он окончит свою работу.

Совершенно искренно пожелали мы ему скорее прибыть в Манчжурию — таких генералов желательно иметь побольше.

17 апреля. Целый день ехали по равнине без конца. Однообразна, скучна, неприветлива степь на севере: как не похожа она на степь в Малороссии, где нет этого безмолвия, отсутствия жизни.

Стелется дым от горевшей травы и мелких кустарников; это палы, подожженные переселенцами для очищения и удобрения

почвы под пастбища и покосы. Эти палы распространяются иногда на громадные пространства, уничтожая на своем пути вековые леса.

Когда настал вечер, равнина осветилась заревом сплошного огня. Это было удивительно красиво, но что-то зловещее было в этом стихийном пожарище — жутко делалось, а глаз от чудного зрелища нельзя оторвать.

18 апреля. Тайга. Каким очарованием звучит это слово для охотника. В этих дебрях бродят маралы и изюбры со своими ценными весною пантами, не окостеневшими еще рогами, из которых китайцы выделяют любовное средство. Здесь медведи, рыси, куницы, черно-бурая лиса и бесчисленное множество мелкой пушнины.

Кедры, лиственница, ель, сосна растут между буками, берестами, ольхой, березой и другими лиственными породами. Деревья обросли мохом, ветви перепутались; пораженные молнией или застигнутые пределом возраста лежат они с вывороченными корнями, как громадные трупы, в которых зарождается новая жизнь. Вдоль линии железной дороги крупные деревья срублены, остальные обгорели от сыпавшихся искр из паровозов.

19 апреля. Лес немного редел, на полянах вековые красавицы свободно расправили свои ветви. Снегу больше. На проталинах плавали стаи диких уток; лебеди и дикие гуси более пугливы — они поднимались и улетали при проходе поезда.

20 апреля. Мы шли с опозданием. По расписанию идут только до Челябинска, а оттуда уже движение поездов подчиняется военному начальству.

Экспресс должен был остановиться в Иркутске, выпустить там пассажиров, но заведующий поездом обещал доставить нас без пересадки до Байкала.

Последний вечер проводили мы в прекрасном международном поезде, жаль было с ним расставаться. Нам говорили, что

в Забайкалье и Маньчжурии придется, может быть, ехать в вагонах 3-го класса. После роскошных купе с уборными не могло быть привлекательным сидеть и в особенности лежать на голых досках.

Мы собрали между собою и передали заведующему поездом семьдесят пять рублей и повару, отлично кормившему нас, двадцать пять рублей.

21 апреля. В два часа ночи пришли в Иркутск; осмотреть город не пришлось, так как мы уходили в девять часов утра, видно было только за рекой красивый город с крупными постройками, несколько церквей и между ними большой пятиглавый собор; на набережной имелись двухэтажные дома с колоннами, типа помещичьих усадеб, с претензиями на итальянский ренессанс.

Поезд помчался вверх по течению быстрой, прозрачной Ангарты. Через три часа мы подошли к озеру Байкалу.

У пристани уже разводил пары ледокол «Ангара». Накануне вышел первым рейсом ледокол «Байкал», пробивающий лед по направлению к Мысовой, он только завтра к вечеру окончит свою работу; сегодня «Ангара» остановится верстах в двенадцати от берега, поэтому нас сопровождали сани, чтобы доставить с парохода на Мысовую.

Мы отвалили в два часа дня и пошли по каналу, прорезанному Байкалом. Хотя лед уже был разломан и частью выброшен по сторонам, как поднятая исполинским плугом борозда, но движение вперед не было совсем свободным: приходилось пробиваться, расталкивая громадные глыбы льда прозрачного зеленого цвета, как волны в картинах Айвазовского.

Тройки, сопровождавшие нас, обгоняли друг друга, ямщики ругались, махали неистово кнутами и гнали во весь дух лошадей. На ослепительно-белом фоне снега все эти фигуры вырезывались черными силуэтами, как фантастические китайские тени.